

Куликова Элла Германовна

ОБ ОДНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена рассмотрению грамматической категории рода в лингвокультурологическом и лингвопрагматическом аспектах. Род личных имен существительных имеет семантические и прагматические признаки. Категория рода одушевленных существительных - привативная оппозиция, с маркированным женским родом. Русскую лингвокультуру характеризуют этикетные репрезентации, возвеличивающие женщин. В русском коммуникативном поведении наблюдаются редкие случаи, когда "сексистские" обозначения лиц по профессии заменяются на обозначения "несексистские".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 103-105. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 800.732:82-1:882

Статья посвящена рассмотрению грамматической категории рода в лингвокультурологическом и лингвопрагматическом аспектах. Род личных имен существительных имеет семантические и прагматические признаки. Категория рода одушевленных существительных – привативная оппозиция, с маркированным женским родом. Русскую лингвокультуру характеризуют этикетные репрезентации, возвеличивающие женщин. В русском коммуникативном поведении наблюдаются редкие случаи, когда «сексистские» обозначения лиц по профессии заменяются на обозначения «несексистские».

Ключевые слова и фразы: категория рода; номинация; гендерная асимметрия; оценка; текст; дискурс.

Куликова Элла Германовна, д. филол. н., профессор
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
kulikova_ella21@mail.ru

ОБ ОДНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-04-00037.*

В русской лингвокультуре (что и нашло отражение в языковой картине мира) распространенным является стереотип женщины-хранительницы домашнего очага, домоседки, что можно объяснить экстраполяцией на Русь византийской «теремной культуры».

В русской лингвокультуре концепт «человек» ассоциируется с мужчиной. Ср. обращение *молодой человек*, относящееся исключительно к мужчине, а не к женщине.

П. С. Пороховщиков в книге «Искусство речи на суде» [16], изданной им под псевдонимом «Сергеич», приводит такую ситуацию, когда на суде защитник называет женщину не по имени или просто *крестьянкой, бабой, старухой* или *девушкой*, а *человеком* и, соответственно, речь свою произносит о мужчине, а не женщине. Кроме неуместности слова *человек* по отношению к женщине, этот фрагмент является отражением нормы начала XX в.

Примечательно, что факты, при которых мужские черты переносятся на женщину, оцениваются чаще положительно, нежели отрицательно, например, когда о женщине говорят, что у *нее мужской ум*. Наоборот, присущие женщинам черты, которые приписываются мужчинам, в основном всегда в социуме получают отрицательную оценку [3]. Такое поведение или свойство женщин, как *мягкость*, применительно к мужчинам называется *мягкотелостью*.

Одновременно, по замечанию исследователей, для русской лингвокультуры характерны этикетные репрезентации о превосходстве женщин, указанием на это служат клишированные формы *моя лучшая половина, лучшая половина человечества*, а то, что в русском языке существуют такие слова, как *ухаживать, кавалер, рыцарь, джентльмен, галантно, галантный*, доказывает сказанное, так как эти номинации рисуют манеры поведения мужчины по отношению к женщине (а не женщины по отношению к мужчине), при таком поведении мужчина относится к женщине почтительно, демонстрирует ей знаки внимания и заботу. Интересно, что исследователи не имеют единого понимания того, что же все-таки называется «несексистской» лексикой [2; 4].

Можно встретить утверждения, которые считают несексистскими лексемы с показателем рода *woman*, вместо распространенного *man*, служащие для номинации женщин по профессии. Сторонники противоположного мнения в отношении того, что понимается под «несексистской лексикой», наоборот, обращают внимание на возникновение неполиткорректной коммуникации при наличии подчеркнутого указания на пол.

Согласно распространяющимся идеям политической корректности, современные словари английского языка редуцируют «устаревшие», называемые «сексистскими» номинации. В последнее время они заменяются «несексистскими», то есть в номинациях с формантом *-man*, служащих для обозначения лиц по профессии, *-man* заменяется на *-person*. Таким образом, вместо *businessman, businesswoman – business person* или *business executive* и др. Изданный Департаментом труда США новый словарь профессий «Dictionary of Occupational Titles» не содержит примет, указывающих на «язык половых стереотипов». В этом словаре нет слов *man, woman, lady, master, maid* (мужчина, женщина, леди, хозяин, горничная), а также суффикса «женскости» *-ess* [18, p. 69].

А. В. Вандышева [5, с. 68] называет такие замены исключительно субъективными, когда сторонники подобных переименований находят негативную коннотацию в лексемах с показателями мужского/женского рода/пола и формант *-man*. Авторы многих словарей и справочников советуют все-таки избегать этих формантов, поскольку они «увекочивают предрассудки». В «Руководстве по равноправному обхождению с лицами обоего пола» (Guidelines for Equal Treatment of Sexes), изданном в США, согласно утверждающимся нормам политкорректной коммуникации, даются рекомендации не употреблять обозначения по профессии, содержащие суффиксы рода/пола [18, p. 28]. В современных англоязычных словарях приводятся таблицы и приложения, содержащие зафиксированные новые нормы «несексистского коммуникативного поведения». К примеру,

«Cambridge International Dictionary of English», изданный в 1995 г., содержит целую таблицу, в которой старый, антифеминистский язык сравнивается с новым, устраняющим «половое неравенство». Таблица, имеющая показательный заголовок «Using language that is not sexist» («Использование равноправного по половому признаку языка»), предваряет примечание о том, что у отдельных слов может демонстрироваться некорректное отношение к полу, чаще – к женскому. Например, употребление лично-указательного местоимения *he* в контексте указания на врача может означать, что женщины – специалисты более низкой квалификации, чем, скажем, мужчины, или вообще женщины не могут работать врачами [17, р. 1305]. Учитывая это, те, кто пишет или говорит по-английски, теперь стараются пользоваться «несексистским, равноправным языком», называемым *modern non-sexist language*. Сейчас практически везде на Западе в объявлениях о вакансиях указываются и мужские, и женские номинации по профессии, невыполнение такого правила может повлечь наложение денежных штрафов в отношении работодателей. В последнее время в официально-деловых и правовых текстах [6] принято обозначение лица по реальному полу (раньше приметой этого стиля был мужской род). В России у феминистских движений не было никогда такого статуса, как в западных странах. «Претензии» к рисуемой мужскую, андрогенную картину мира языку кажутся, скорее, курьезными. Тем не менее наименования мужского рода в официально-деловом стиле доминируют по-прежнему. В дипломах используются исключительно обозначения в форме мужского рода: *врач, инженер, юрист*, даже при наличии нормативного коррелята женского рода (*преподаватель – преподавательница, учитель – учительница*). Известны случаи из судебной практики, когда женщины-депутаты такие номинации и депутатка, адресованные им в газетных объявлениях, расценивали как оскорбительные. При распространении в российской науке гендерной лингвистики [10; 12], после репрезентации гендерного подхода в качестве важного конструкта, никто не предлагает исключить из словарей русского языка такую номинацию, как, например, *поэтесса*, хотя известно, что наши прекрасные женщины-поэты (Анна Ахматова, Белла Ахмадулина, Марина Цветаева) отрицательно относились к тому, когда их называли этим словом. Слова *поэтесса* и *поэт* различаются объемом семантики: *поэт* – это и женщина, и мужчина, а *поэтесса* – только женщина.

В русском языке только в редких случаях происходит замена «сексистских» номинаций лиц по профессии на «несексистские». В связи с этим можно говорить о номинациях *маникюрша*, или *маникюрист*, которая получила в последнее время широкое распространение [11; 13], хотя это не означает, что мужчины теперь занимаются этим видом деятельности. Тем не менее, по нашему мнению, это замена одного сексистского обозначения на другое. Обращает на себя внимание тот факт, что в научном дискурсе [7; 8] отдается порой предпочтение антисексистским выражениям. В журнале «Вопросы языкознания» опубликована рецензия, в которой есть такой фрагмент: «...начинающий немецкий русист получает пособие, которое позволяет ему или ей разобраться в многочисленных и нередко труднодоступных работах» [цит. по: 15, с. 108].

В русском языке система наименований женщин по отношению к личным мужским именам складывалась в специфических условиях, и всегда на нее оказывали влияние экстралингвистические факторы. То, что большинство наименований профессий, связанных с интеллектуальной сферой, относится к мужскому роду – это факт социально детерминируемый. Еще в эпоху Петра Первого в русском языке начал складываться специфический лексико-словообразовательный разряд наименований, имеющих значение ‘жена по званию, должности мужа’. Словарь Ивана Нордстета, имеющий следующее полное название – «Российский, с немецкими и французскими переводами Словарь, сочиненный Иваном Нордстетом, СПб, 1780» [14], содержит 20 таких слов: *майорша капитанша, ассессорша, бригадириша, генеральша, капральша, адмиральша* и т.д. Уже в XIX в. лингвистами было обращено внимание на тот факт, что жены мужей, имеющих высокое звание, в русском языке называются лексемами с суффиксом -ш(а), в то время как жены мужей низкого звания – лексемами с суффиксом -их(а): *мельничиха, дворничиха, слесариха, но губернаторша, генеральша, адмиральша*.

Еще с XIX в. начинается процесс разрушения семантического единства этой группы, так как эти слова приобретают не только способность именовать жену по мужу, но оказываются собственно номинациями женщин по их деятельности. Например, в Словаре В. И. Даля указывается, что *архитекторша* – это ‘жена зодчего’, а также ‘строительница’ [9, с. 41]. В русском, как и во многих европейских языках, большое количество семантических лагун, которые свидетельствуют о дискриминации женщин. Для сравнения, в английском языке нет парного существительного со значением «женскости», чтобы обозначить такое понятие, как ‘*verility*’, которое имеет значение «мужественность, способность воспроизводить потомство». При сравнении многих номинаций можно обнаружить значительные асимметрии в семантике слов (в «мужскую пользу»): *governor* – ‘наместник; властитель; комендант (крепости); губернатор;’ *governess* – ‘воспитательница; гувернантка’ (примеры составлены автором статьи – Э. К.).

В русском языке номинация «профессионал» не имеет корреляции по полу, так как существительное «профессионалка» семантически закреплено за женщиной, которая занимается древней профессией (такое значение используется в к/ф «Старые клячи»). Кроме того, нет коррелятов женского рода для таких номинаций: *режиссер, вождь, Герой Советского Союза, политик, авторитет, мастер спорта, универсал, гений, ас, дипломат, умелец, грассмейстер, лауреат* и др. Г. В. Борник отмечает, что такое название, как «Виртуозки Москвы», даже если в нем будет самый звездный состав, скорее рассмешит, чем вызовет желание посетить. Нет парных женских форм и у старинных русских слов, имеющих уничижительную семантику: *буян, бражник, бедокур* (примеры составлены автором статьи – Э. К.).

Поскольку род – это грамматическая категория, имеющая знаковую природу, у рода есть общие знаковые свойства: семантика, синтактика, прагматика, поэтому нельзя лингвистически описать категорию рода, при этом не анализируя взаимодействие и соотношение семантики, синтактики и прагматики.

Кроме сочетаемостных возможностей род личных существительных, в первую очередь, характеризуется семантическими и прагматическими признаками. Категорию рода одушевленных существительных можно охарактеризовать в качестве привативной оппозиции, имеющей маркированный женский род; использование номинаций мужского рода без указания на дифференциацию по полу может полностью служить подтверждением устойчивости данной оппозиции, а также свойственные ей объяснительные возможности.

Гендерные асимметрии в русском языке часто детерминируются профессиональной и социальной дискриминацией женщин. Магистральное направление в развитии современных языков вообще и русского языка в частности – это не столько достижение полной гендерной симметрии, сколько устранение отраженной в них дискриминации женщин.

Список литературы

1. Бортник Г. В. «Обидная» категория // Русская речь. 2001. № 2. С. 51-54.
2. Брусенская Л. А. Вербальное манипулирование: использование брендов // Философия права. 2013. № 3 (58). С. 35-38.
3. Брусенская Л. А. Гендер как социокультурный конструкт: условия коммуникации // Философия права. 2010. № 4. С. 82-86.
4. Брусенская Л. А., Фролова Н. Н. Языковая экспликация экономических отношений: бренды в экономическом дискурсе // Язык и речь в синхронии и диахронии: материалы V Международной научной конференции. Таганрог: Изд-во ТГПИ, 2014. С. 135-138.
5. Вандышева А. В. Гендерно ориентированная лексика в языковой картине мира: дисс. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 2007. 175 с.
6. Григорьева Н. О. Система конструкций с полифункциональным служебным словом «чтобы» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2013. № 4. С. 26-29.
7. Григорьева Н. О., Марченко Л. В. К вопросу о типологии синтаксических конструкций: функциональный аспект // Предложение и слово: межвузовский сборник научных трудов Второй междунар. науч. конф. / под общей редакцией Э. П. Кадькаловой. Саратов: Изд-во Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, 2002. С. 200-204.
8. Григорьева Н. О., Норлусенян В. С. Иноязычные вкрапления в современном художественном тексте: коммуникативно-прагматический потенциал // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 75-82.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание: в 4-х томах. М.: АСТ; Астрель; Транзиткнига, 2006. Т. 1. 1156 с.
10. Заяц П. В. Инжиниринг в гуманитарном исследовании // Философия права. 2014. № 1 (62). С. 27-30.
11. Заяц П. В. Инжиниринговые исследовательские практики аутсорсинга региональных систем // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 12. С. 14-18.
12. Заяц П. В. Информационные ресурсы регионального развития в системе политического инжиниринга // Философия права. 2013. № 6 (61). С. 57-60.
13. Заяц П. В. «Система» как когнитивная категория анализа в инжиниринговых исследовательских практиках // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 7. С. 81-86.
14. Нордстетт И. Российский, с немецкими и французскими переводами Словарь, сочиненный Иваном Нордстеттом. С. Петербург: Типографщик и книгопродавец И. К. Шнор, 1780-1790. 886 с.
15. Савватеева Л. В. Современные идеи политкорректности и их воплощение в лингвориторическом пространстве (на материале русского языка): дисс. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 2008. 168 с.
16. Сергич П. Искусство речи на суде. Тула: Автограф, 1999. 320 с.
17. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1775 p.
18. Cameron D. Good to Talk? Living and working in a communication culture. L.: Sage Publication, 2000. 213 p.

ON THE CATEGORY OF GENDER IN LINGUO-CULTUROLOGICAL AND LINGUO-PRAGMATIC ASPECT

Kulikova Ella Germanovna, Doctor in Philology, Professor
Rostov State University of Economics
kulikova_ella21@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the grammatical category of gender in linguo-culturological and linguo-pragmatic aspect. Gender of personal names has semantic and pragmatic features. The category of gender of animate nouns is a privative opposition with a marked female gender. The Russian linguoculture is characterized by etiquette representations glorifying women. In Russian communicative behavior the rare cases when the “sexist” denominations of people according to their profession are replaced by the “non-sexist” ones can be observed.

Key words and phrases: category of gender; nomination; gender asymmetry; assessment; text; discourse.